

УДК 34**Эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства****Купцов Иван Михайлович**

Независимый эксперт,
Российская государственная библиотека,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: vanyak1401@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства. Обосновывается актуальность темы через призму исторического развития механизмов идентификации личности, начиная от прозвищ в племенных обществах до современных юридических норм. Особое внимание уделяется трансформации подходов к регулированию имени под влиянием культурных, религиозных и миграционных факторов, а также роли псевдонимов в творческой и публичной деятельности. Анализируются исторические источники, правовые документы и судебная практика, отражающие эволюцию систем именования. Исследуются примеры из средневековой Европы, процессы унификации норм в международном праве и влияние цифровизации на современные административные процедуры. Результаты исследования демонстрируют, что глобализация и развитие цифровых технологий радикально изменили подходы к праву на имя. Псевдонимы перестали быть исключительно инструментом творчества, превратившись в элемент коммерческой деятельности, онлайн-коммуникации и защиты персональных данных. Обсуждение затрагивает противоречия между правом на анонимность и необходимостью обеспечения безопасности, а также проблемы транслитерации имен в международном контексте. Подчеркивается, что современное право сталкивается с вызовами, связанными с балансом между универсализацией норм и сохранением культурного разнообразия. Авторы делают вывод о необходимости гармонизации законодательства, учитывающей как технологические инновации (цифровые идентификаторы, виртуальные пространства), так и этнокультурные традиции.

Для цитирования в научных исследованиях

Купцов И.М. Эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 308-321.

Ключевые слова

Право на имя, псевдоним, межкультурная коммуникация, глобализация, цифровая идентичность.

Введение

Механизмы идентификации личности в различных обществах на протяжении веков неразрывно связаны с тем, как люди именуют и обозначают друг друга, ведь имя издавна выступало символом социальной принадлежности, семейных традиций и законного статуса. Потребность регулировать право на имя возникла практически одновременно с формированием первых правовых кодексов, поскольку важность уникального обозначения лица становится очевидной, когда речь заходит об охране собственности, заключении сделок и урегулировании разногласий. Однако в разные исторические периоды подход к праву на имя и право на псевдоним менялся под влиянием культурных особенностей, религиозных предписаний и процессов миграции. Например, в ранних внешне расширенных семьях в племенах использовались только прозвища, которые отражали черты характера или указывали на род деятельности человека [Большакова, Сальников, 2024]. На смену им с развитием городских общин пришли более формальные имена, а в дальнейшем, в связи с возникновением фамилий, право на имя приобрело юридическое измерение. Сложные системы регистрации и задокументированности стали основой для укрепления принципов защиты личности, в том числе закрепления официального имени во множестве документов.

В истории европейского права кодификация имени оказалась связана с наследственными вопросами и правом собственности, когда передавались титулы, земли и прочие владения. Точное указание имени было необходимо для подтверждения прав и обязанностей, а также для определения круга наследников. Позднее эти процессы формализовались, и по мере распространения письменной культуры имя приобретало не только юридическую, но и культурную ценность, отражая принадлежность к определенному сословию и подчеркивая социальный статус. В результате, право на изменение или дополнение своего имени оказалось значительно ограничено, а впоследствии, уже в Новое время, возникла потребность в правовом урегулировании псевдонимов, которые выступали средством самовыражения и решения разнообразных творческих задач. Использование псевдонимов в первую очередь практиковалось в литературной среде, где автор, скрываясь за вымышленным именем, стремился обезопасить себя от преследований, привлечь к своим трудам особое внимание или отделить личную жизнь от публичной [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. Со временем право использовать псевдоним трансформировалось в более обобщенное право на анонимность и конфиденциальность, в том числе при производстве художественной продукции.

Материалы и методы исследования

В древних цивилизациях, чья культура была преимущественно устной, вопрос о письменной фиксации имени был неактуален и люди чаще полагались на устные договоренности, традиции и сакральные смыслы. При этом само имя или прозвище могло менять значение в зависимости от контекста, и культурные нормы регулировали процесс наречения достаточно свободно. В условиях развития письменности и оседлого образа жизни формировалась государственная система, стремившаяся упорядочить систему именования, что особенно заметно при изучении документов, касающихся земельных сделок или охранных грамот для торговцев в средневековой Европе [Милушева, 2021]. Государства начали вводить обязательную регистрацию актов гражданского состояния, а также законодательно закреплять фамилии. Возникла и судебная практика, рассматривающая споры, связанные с именами, когда, к

примеру, семейные конфликты касались наследования, что делало право на имя более жестко определенным и сложным к изменению. Однако в отдельных регионах и культурах оставались традиции давать прозвища во взрослой жизни, отражающие значимые события или перемены в социальном статусе.

По мере роста межгосударственных связей и развития внешней торговли начала складываться практика использования различных вариантов имени в зависимости от конкретного культурного и экономического контекста. Нередко человек мог пользоваться одним именем или прозвищем в пределах своей этнической группы, а другим – при контактах с иностранцами, что частично предвосхищает идею псевдонима. Подобный подход упрощал коммуникацию и создавал предпосылки в формировании международного гражданского и торгового права, которое впоследствии переросло в современные многосторонние соглашения и конвенции, регулирующие признание и охрану прав личности на межгосударственном уровне [Сулейманов, 2023]. Однако долгое время такие процессы носили фрагментарный характер, а полная унификация норм, связанных с именами, так и не была реализована, поскольку каждая правовая система в значительной мере основывалась на культурных традициях и обычаях.

Результаты и обсуждение

С наступлением эпохи Просвещения правовая мысль в Европе стала стремиться к рациональному обоснованию всех сторон общественной жизни, в том числе и вопросов, касающихся фамилий и имен. Личность приобрела новое для того времени звучание как носитель прав и свобод, и законодательство некоторых стран начале XIX века отразило эти идеи, предоставив гражданам возможность менять имя в более упрощенном порядке. Однако параллельно возрастала роль государства как гаранта социального порядка, что выражалось во введении жестких правил регистрации, инструкции для чиновников о ведении реестров и других формальных процедур. Псевдонимы находили правовое признание преимущественно в творческих сферах, тогда как в деловой переписке и официальном документообороте подобное средство скрытия личности расценивалось неоднозначно [Петрова, 2020]. Тем не менее практика добровольного выбора псевдонима для публикации текстов, выступлений, художественных произведений ладно сочеталась с расширяющейся сферой издания газет и журналов.

В дальнейшем, с развитием конституционных принципов в различных странах, право личности на имя становилось неотъемлемым элементом гражданской идентификации. Сложилась современные административные процедуры, позволяющие менять имя или фамилию по уважительным причинам, но, как правило, только через судебное разрешение или соответствующие постановления органов ЗАГС. Псевдонимы, с другой стороны, сформировались как часть имущественных и неимущественных авторских прав, защищаемых законодательством об интеллектуальной собственности [Королев, Лялина, 2023]. В некоторых государствах были разработаны отдельные нормы, регулирующие использование вымышленных имен на сцене, в литературе и кино, определяющие права и обязанности автора и способствующие охране персональных данных. Отметим также, что развитие средств массовой коммуникации и формирование публичной сферы сделало применение псевдонимов более распространенным, потому что знаменитости и публичные люди часто стремились избежать пристального внимания к своей частной жизни.

Межкультурная коммуникация в современном мире становится настолько интенсивной, что

правовая охрана имени и псевдонима выходит на международный уровень. Пересечения законов разных государств и международные договоренности обмениваются информацией, способствуя формированию глобальных баз данных, где фиксируются личности, их гражданский статус и права. В условиях глобализации имя перестает быть исключительно «внутренним» вопросом национального права, оно становится предметом международных соглашений о правах человека, идентификации и свободе самовыражения [Евсиков, 2022]. Особенно это актуально при регулировании вопросов миграции: беженцы, переселенцы и трудовые мигранты подчас сталкиваются со сложностями при регистрации своих имен, когда их транскрибируют на другой язык, а культурные особенности нового общества могут требовать упрощения или изменения имени. В итоге в международном правовом поле возникает задача обеспечить баланс между необходимостью идентификации личности и уважением к ее культурному наследию.

Псевдонимы в условиях глобализации перестали восприниматься исключительно как инструмент творческих людей. Теперь это и средство ведения бизнеса, когда владельцы брендов выступают под запоминающимся названием, и средство блогеров, предпочитающих публиковать контент под никами, а не под реальным именем. Анонимность в интернете, в том числе на международном уровне, защищается рядом правовых норм, но одновременно вызывает споры, поскольку открывает путь злоупотреблениям и правонарушениям. Законодательство вынуждено искать компромисс между правом человека на конфиденциальность, выражение мнений и необходимостью государств обеспечивать безопасность, особенно в условиях угроз киберпреступности и международного терроризма [Гуляева, 2022]. Таким образом, если в традиционной парадигме государственная регистрация имени несла функции контроля над населением и фиксации их прав, то в XXI веке охрана имени и псевдонима перерастает в вопрос глобального баланса свободы и ответственности.

Интернет-пространство породило новые формы культурной и правовой самопрезентации. Человек нередко ведет несколько аккаунтов на разнообразных платформах, используя различные варианты имени либо n-ое количество псевдонимов. Это может быть связано с разделением аудиторий по интересам, а может отражать стремление к обезличенной социализации. Переход к цифровому общению делает вопрос об аутентичности имени все более сложным. Нередко при регистрации на веб-сайтах требуется ввод реальных данных, и некоторые Государства пытаются установить жесткую идентификацию в сети. С другой стороны, гражданское общество и правозащитные организации указывают на угрозы свободе слова и праву на частную жизнь, выступая за сохранение или даже усиление анонимности [Ульбашев, 2020]. Такая двойственность отношении к псевдонимам в интернете очевидно отражает состояние современного законодательства, которое должно в равной степени предотвращать правонарушения и не ограничивать права законопослушных пользователей.

В этой связи важно упомянуть, что современная доктрина гуманитарного права делает акцент на защищенность персональных данных, поскольку раскрытие реального имени может повлечь за собой преследования по религиозным, политическим или иным мотивам. Множество случаев, когда люди, выступающие под псевдонимом, защищали свою частную жизнь и свободу самовыражения, обретает резонанс. Кроме того, борьба за сохранение культурной идентичности мигрантов или представителей малочисленных народов напрямую связана с возможностью сохранения национального имени, которое может не вписываться в стандарты нового государства пребывания [Затонский, 2023]. Право на имя в таких ситуациях складывается из множества факторов: стремления общества к унификации, наличия государственных процедур

упрощения записи и оформления документов, а также готовности международного сообщества признавать оригинальные формы имен.

Стоит отметить, что глобализация информационного пространства усиливает имитационные практики, и псевдм становится инструментом для введения в заблуждение или маркетинговой манипуляции. Появляются фальшивые аккаунты в соцсетях, пользователи сознательно выбирают похожие на знаменитостей псевдонимы, чтобы собирать аудиторию, а иногда и вымогать средства. Такие действия подпадают под различные статьи уголовного или гражданского законодательства, завися от терминов «мошенничество» или «введение в заблуждение» [Ясносокирский, 2022]. Тем не менее во многих странах нет четкого правового определения, что именно считать нарушением права на имя в условиях трансграничного обмена информацией. Одни законодатели пытаются ввести строгие меры, другие – осторожничают, соблюдая баланс между безопасностью и свободой.

Культурные различия в понимании имени усиленно проявляются в современном межнациональном обществе. Одни культуры гордятся сложносоставными именами, указывающими на место в родословной, другие предпочитают простую форму, которая легко произносится и запоминается. Псевдонимы иногда формируются на основе игровой трансформации настоящего имени, подчеркивают художественную индивидуальность или демонстрируют принадлежность к определенному субкультурному движению. В условиях миграции многие стараются адаптировать свое имя, чтобы упростить коммуникацию с окружающими, но при этом не потерять связь с родными традициями. Иногда для этих целей создается особый «двойник» имени, представляющий собою попытку транслитерации или упрощенную версию. В результате, право на имя и псевдоним становится отражением динамического характера межкультурного взаимодействия, когда люди активно ищут компромисс между самоидентификацией и необходимостью быть понятными окружающему миру.

Современные правовые исследования подчеркивают, что национальные законодательные системы редко успевают за темпами цифровых изменений. Появляется все больше кейсов, связанных с пользовательскими соглашениями крупных интернет-платформ, где закрепляется право компании требовать у пользователя реальное имя или, напротив, давать возможность создавать неограниченное число псевдонимов. Зачастую такие условия звучат в договорах-офертах, которые глобальные корпорации используют в отношениях со своими клиентами [Безбородов, Лихачев, Халафян, 2021]. При возникновении споров в международном контексте встает вопрос, по чьим законам разрешать конфликт: страны, где зарегистрирована компания, или страны, откуда пользователь осуществляет выход в сеть. Таким образом, правовая эволюция, касающаяся имен и псевдонимов, во все большей степени будет зависеть от наднациональных механизмов регулирования и судебной практики трансграничных споров.

Интересно проследить, как в киберпространстве, особенно в игровых онлайн-сообществах, возникает особая культура псевдонимов (никнеймов), где реальное имя человека может вообще нигде не фигурировать. Часто весь социальный капитал геймера, блогера, стримера, то есть репутация, доверие, фан-база, ассоциируются лишь с виртуальным прозвищем. Если данное прозвище кто-то попытается скопировать или использовать незаконно, возникает конфликт, который разрешается на основании пользовательских правил и внутренней модерации платформы, а иногда и через суд. Подобные дела не редки, когда речь идет о крупных киберспортивных турнирах или значительных рекламных контрактах, связанных с продвижением брендов. Тогда юридическая защита псевдонима воспринимается наравне с

защитой товарного знака, и исковые требования включают компенсации ущерба, причиненного копированием или незаконным использованием псевдонима [Рябошапченко, Жебровска, 2022]. Становится ясно, что цифровая эпоха преобразует базовые подходы к правам на имя, и нормативным органам предстоит находить новые решения.

Развитие электронной демократии, онлайн-петиции, проекты краудфандинга также способствуют тому, что люди участвуют в общественно-политических процессах без раскрытия своего настоящего имени. На одной стороне спектра такие инициативы повышают вовлеченность населения, позволяя голосам, опасаящимся репрессий или просто не желающим афишировать политические предпочтения, быть услышанными. С другой стороны, анонимность способна скрыть недобросовестных лиц, распространяющих ложную информацию или разжигающих вражду. В результате, правовое поле колеблется между стремлением стимулировать гражданскую активность и необходимостью сохранять прозрачность политических процессов [Солдаткина, 2021]. Право на псевдоним, таким образом, становится не только способом самовыражения, но и инструментом гражданского участия, что значительно расширяет его социальное значение.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что подчас само государство использует псевдонимы для защиты свидетелей, работающих с правоохранительными органами, скрывая их настоящие имена с целью обеспечения безопасности. Существует практика присвоения новых юридически действительных имен под программами защиты, когда очевидцы или потерпевшие в особо резонансных делах подвергаются значительной угрозе. В таких случаях государственные органы могут полностью изменить регистрационные данные лица, фактически создавая новую личность [Мартиросян, 2022]. Это один из крайних вариантов использования права на псевдоним в интересах общественной безопасности, при котором вопрос согласия лица на смену имени и конфиденциальности документов является определяющим для дальнейшего существования человека в обществе.

Говоря о межкультурной коммуникации, нельзя обойти вниманием вопрос транслитерации, когда имя, написанное на одном языке, преобразуется в символы другого языка. Это может происходить при переводе документов, при оформлении виз, покупке билетов на транспорт, записях в ИТ-системах. Зачастую один и тот же человек в разных базах данных может фигурировать с измененной одной или несколькими буквами, что приводит к путанице и потенциальным проблемам при проверках. В некоторых языках отсутствуют эквиваленты отдельных звуков, поэтому при транслитерации возникают приблизительные варианты, отличающиеся от оригинала [Затонский, 2023]. Сложности накапливаются, когда человек переезжает из страны в страну и обновляет документы, сталкиваясь с тем, что местное законодательство может вовсе не предусматривать некоторых буквенных сочетаний. Так возникает вопрос, считать ли такое изменение имени временной мерой или же это новая официальная форма. Отсюда и напряжение в правовом регулировании, когда государства пытаются сохранить уникальность имен своих граждан, и при этом соблюдать международные стандарты.

Современные медиа способствуют тому, что человек может обрести всемирную известность под вымышленным именем, причем это имя будет иметь больший вес, чем реальное. Эта тенденция касается не только артистов эстрады или кино, но и людей из различных профессиональных сообществ. Значимым становится следующее: к кому переходит право использовать псевдоним, если его первоначальный обладатель желает его оставить или кто-то претендует на раскрученный бренд? В правовой сфере возникают новые формы договоров,

когда имя или псевдоним рассматриваются как объект интеллектуальной собственности. Это включает лицензионные соглашения, уступки прав, а в некоторых случаях – судебный запрет на использование чужого псевдонима без согласия [Безбородов, Лихачев М.А., Халафян, 2021]. Показательно, что все больше музыкантов, писателей, спортсменов и других публичных фигур предпочитают защищать свое сценическое имя как товарный знак, дабы исключить недобросовестное копирование.

Если рассматривать вопросы взаимодействия культур через призму права на имя, становится видно, что в некоторых регионах мира существуют строгие требования к допустимым именам. К примеру, при регистрации новорожденного могут ограничить использование определенных символов или слов, которые считаются оскорбительными либо неуместными с точки зрения государственного языка. В некоторых странах даже устанавливаются справочники допустимых имен. Подобные ограничения иногда вызывают критику правозащитных организаций, считающих, что у родителей должно быть более широкое дискреционное право именовать своего ребенка. Сторонники жесткого регулирования, напротив, полагают, что государственная система должна защитить ребенка от возможной дискриминации из-за странного или слишком экзотического имени, а также взять на себя функцию сохранения культурного наследия [Евсиков, 2022]. Отсюда вытекает важность правильного баланса, ведь иногда под видом заботы о ребенке можно ограничивать разнообразие культурных традиций.

Миграционные процессы сегодня все чаще подталкивают государства к унификации норм, связанных с именами и псевдонимами, чтобы обеспечить удобство административных процедур и взаимодействия в рамках международных организаций. Однако выполнить это на практике непросто, поскольку каждая страна стремится сохранить собственную правовую традицию и учесть интересы большинства. В итоге множество систем, отвечающих за формальный учет личности, оказывается взаимно несогласованными, что может приводить к правовым коллизиям. Для решения таких проблем внедряются электронные идентификаторы или международные паспорта единого образца. При этом остро стоит вопрос о цифровой идентичности, которая в ряде случаев может опережать официальную: пользователь в сети известен под псевдонимом, имеющим гораздо большую социальную значимость, чем его реальное имя, зафиксированное в «офлайновых» документах [Ясносокирский, 2022]. Закрепление этих реальностей требует новых подходов в теории и практике права.

Иногда люди меняют имена, вдохновляясь поп-культурой или другими факторами, которые ранее не были характерными. Речь не только о том, что можно взять фамилию популярного артиста, но и о тенденции набирать короткие, звучные имена, соответствующие требованиям маркетинга и удобные для брендинга в социальных сетях. Глобальный мир продвигает идеалы универсального звучания, и некоторые стремятся обзавестись именем, легко произносимым представителями разных языков. С этим связан феномен «кросс-культурных» имен, которые состоят из элементов нескольких разных культур сразу [Ульбашев, 2020]. Такой гибрид отражает процесс глобальной интеграции, когда исторические корни уступают место практическим потребностям коммуникации. Однако зачастую такой шаг вызывает дискуссии внутри семей, столкновение традиционалистов и сторонников модернизации.

Социологи указывают, что псевдоним может выполнять функцию своеобразного эксперимента с идентичностью: человек, представляясь в сети или публикуя произведения под другим именем, дает себе право на альтернативное поведение, иной тон высказываний, недоступный в реальной жизни. Иногда подобная «смена маски» позволяет преодолеть

внутренние барьеры, а порой служит прикрытием для негативных проявлений. Юристы в такой ситуации оказываются перед вызовом: как отличать добросовестное желание скрыть настоящую личность, связанное с безопасностью или публичной ролью, от злонамеренного использования псевдонима в преступной деятельности. Нет единообразного решения, и суды в разных странах исходят из конкретных обстоятельств дела, соотнося защиту частной жизни и общественные интересы [Королев, Лялина, 2023]. Очевидно, что эволюция права на имя в данном аспекте требует развития правоприменительной практики, адаптированной к цифровой реальности.

Однако право на имя и псевдоним затрагивает не только личную и общественную сферу, но и имеет большое значение в коммерческой деятельности. Компании часто используют псевдонимы для выпуска новых товаров, проведения маркетинговых кампаний, где истинный изготовитель остается в тени. Это делается для тестирования рынка без риска нанести урон своей основной репутации. Кроме того, в сфере франчайзинга, когда предприятие распространяет свою сетевую модель, вопрос о праве на использование названия, логотипа и других элементов идентичности становится ключевым. Если посмотреть шире, то можем увидеть, как известные бренды порой продают лицензию на использование определенных имен, связанных с их репутацией. В случае споров судебные органы вынуждены учитывать не только национальные нормы торгового права, но и международные соглашения, регулирующие интеллектуальную собственность [Милушева, 2021]. Здесь псевдоним, как часть коммерческого обозначения, оказывается внутрисистемным компонентом транснациональных сделок.

Еще одно проявление межкультурной коммуникации – это судьба известных исторических личностей, чьи имена становятся культурными символами. Иногда названия мест, учреждений, творческих проектов формируются по аналогии с именами выдающихся писателей или общественных деятелей. Возникает вопрос, имеет ли семья покойного (или правопреемники) право запретить такое использование, если речь идет о псевдонимах или художественных образах, тесно связанных с культурным наследием. В некоторых юрисдикциях действуют законы о защите посмертной репутации, а в других это не урегулировано, и имя стало достоянием общественного пространства [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. Но если речь заходит о коммерческой эксплуатации образа, то судебные тяжбы могут длиться годами, повышая актуальность вопросов о том, насколько применимы нормы авторского права, товарных знаков или иных специализированных законов.

Иногда разные правовые системы конфликтуют, когда лицо пытается зарегистрировать псевдоним в качестве товарного знака, но этот псевдоним уже кем-то используется в другой стране. В таких ситуациях глобальные патентные ведомства проверяют сходство до степени смешения и при наличии коллизий могут отказать в регистрации. Между тем в другой юрисдикции этот же псевдоним может свободно использоваться. В итоге, чтобы защитить свое право, человек должен подавать заявки в каждую страну, что требует значительных ресурсов. Налицо проблема неравенства, когда только состоятельные лица способны отстаивать свои именные права в мировом масштабе [Сулейманов, 2023]. С ростом значимости интернета как новой среды обитания вопрос о глобальных механизмах охраны имен и псевдонимов получает острое звучание, ведь в сети стираются границы, и пользователи из любой точки планеты могут встретиться на одной площадке.

Дальнейшее усложнение правовой реальности связано с развитием технологий дополненной и виртуальной реальности, где пользовательские аватары могут иметь уникальные имена и визуальные образы. На этих платформах возможно появление параллельных экономик,

основанных на цифровых товарах и услугах. Привязка аватара к определенному псевдониму может обретать высокую стоимость, особенно если речь идет о популярной игре или метавселенной. И снова вырисовывается вопрос, как защитить такую ценность, если кто-то решит ее скопировать или присвоить. Регулирование подобных случаев лишь формируется в зачаточной стадии, и первые судебные процессы в разных странах либо идут по пути применения аналогий из законодательств об интеллектуальной собственности, либо изучают опыт крупных корпораций, уже столкнувшихся с данными вызовами [Гуляева, 2022]. Думается, что в ближайшем будущем право на псевдоним в виртуальных мирах станет еще более востребованным, поскольку население активнее уходит в цифровое пространство.

Среди юристов распространена точка зрения, что концепция «личного бренда» в современном мире все сильнее пересекается с правом на имя. Псевдоним здесь превращается в основу бренд-стратегии, включая дизайн логотипов, стиль коммуникаций, ценности и даже легенду, которую хотят донести до потребителей. В такой системе координат важно не только уметь придумать псевдоним, но и правильно закрепить за ним юридические права, оформить лицензионные соглашения, чтобы никто не смог воспользоваться репутацией и трудовыми результатами автора порочно. Наблюдается смешение коммерческих и личностных аспектов, когда человек, выбирая псевдоним, одновременно формирует и свою публичную идентичность, которая отражает его социальную или профессиональную функцию [Солдаткина, 2021]. Эта двойственная природа создает массу вопросов при разрешении споров, так как может потребоваться юридический анализ сразу по нескольким направлениям права: гражданского, интеллектуального, коммерческого, а нередко и международного.

Многие правовые системы традиционно исходили из предпосылки, что реальное имя дана человеку от рождения и отражает его подлинную личность, а псевдоним – лишь второстепенная опция. Но современная культурно-коммуникативная реальность подводит к выводу, что порой именно псевдоним становится «главным» именем человека, хотя у него по-прежнему есть официально зарегистрированное при рождении имя. Особенно характерно это для мира социальных сетей и шоу-бизнеса, где публичное лицо заслуживает известность, находится под прицелом внимания СМИ, зарабатывает ресурсы и формирует образ, базирующийся на вымышленном имени. Сам человек может воспринимать это имя псевдонимом вначале, а после превращать его в новую индивидуальную реальность [Петрова, 2020]. Следовательно, правовые нормы вынуждены более тонко подходить к установлению правового статуса псевдонима, учитывая реальные обстоятельства жизни носителя, чтобы защитить права как самого индивида, так и всех вовлеченных в коммуникацию партнеров.

Наиболее плодотворным видится применение в данной области принципов, заимствованных из прав человека, которые подчеркивают уникальность самоидентификации и приоритизируют свободный выбор личности. Вопрос только в том, где провести грань между легитимной сменой имени или использованием псевдонима и злоупотреблением этим правом. Критерии, определяющие добросовестность, могут разниться в зависимости от культурных традиций и конкретной правовой среды. Например, в одних юрисдикциях потребуются доказательства цели использования псевдонима, в других – предоставление документального согласия государственных органов, а в третьих может вовсе не существовать четкой регламентации [Большакова, Сальников, 2024]. Глобальный процесс миграции и цифровизации делает это противоречие все более острым, поскольку трансграничное общение ставит в равные условия людей с разными правовыми представлениями о праве и морали.

Рассуждая о межкультурной коммуникации, следует учитывать, что соглашения

относительно личных данных и имени часто опираются на международные структуры вроде ООН или региональные организации, такие как Совет Европы. Документы, регулирующие права беженцев, мигрантов и меньшинств, содержат положения об уважении к именам и традициям. Тем не менее соблюдение этих норм внутри отдельного государства оставляет простор для интерпретаций, и далеко не всегда право на сохранение оригинального имени исполняется в полной мере. Различия в языковых системах, национальные стандарты бюрократии и информационные системы, формирующие базы данных, могут игнорировать особенности записи. Отсюда проистекают сложности переподтверждения личности, особенно при втором или третьем переезде между странами [Мартиросян, 2022]. Такие люди рискуют столкнуться с тем, что их официальное имя превратится в различающиеся версии, которые потом трудно доказать как одну и ту же персону.

Помимо этого, в праве разных государств текстуально по-разному формулируются принципы, защищающие имя. В Германии конституционное право на имя трактуется сквозь призму защиты человеческого достоинства, а во Франции используются другие юридические конструкции, где уточненные статьи Гражданского кодекса регулируют изменение фамилии и имени только через особые процедуры. В России вопросы имени регулируются Семейным кодексом и соответствующими подзаконными актами, определяющими порядок регистрации актов гражданского состояния, а псевдонимы рассматриваются в плоскости авторского права. Разница в правовых культурах порождает несоответствия, когда гражданин одной страны хочет использовать псевдоним в другой, или когда многонациональная корпорация нанимает иностранного специалиста, уже известного под вымышленным именем. Становится очевидно, что для урегулирования таких транснациональных аспектов нужна не только гармонизация правовых норм, но и преодоление определенных этнокультурных стереотипов, существующих в сознании населения.

Если углубиться в социологические аспекты, становится видно, что люди часто не придают большого значения формальным сторонам имени, пока оно не начинает влиять на их социальные и экономические интересы. К примеру, в креативной сфере или в международной деятельности псевдоним может стать ключом к продвижению. Но в процессе оформления документов, получения виз или подписания контрактов неукоснительно требуется использовать официальную «юридическую» форму имени [Сулейманов, 2023]. Эта раздвоенность порождает трудности и психологические, и организационные. В числе таких трудностей – необходимость постоянно подтверждать, что ты и есть тот самый человек, у которого другое имя фигурирует в договорах. Со временем мы видим появления новых правовых инструментов, таких как нотариальное заверение псевдонима, но они не повсеместны, а значит, проблемы сохраняются.

Кроме того, особенностью межкультурной коммуникации становится то, что сам выбор имени или псевдонима может быть воспринят в другой культуре неоднозначно. Случается, что в одном языке слово или сочетание букв не несет отрицательных коннотаций, а в другом, напротив, может быть ругательным или оскорбительным. Многие компании перед выходом на новые рынки проводят лингвистические исследования, чтобы избежать таких казусов при выборе названия для бренда или продукта. Аналогично, физическое лицо, принимая псевдоним, может не догадываться, какие ассоциации он вызывает у носителей другого языка [Рябошапченко, Жебровская, 2022]. Право, защищающее свободу выбора имени, в таких случаях вынуждено соседствовать с нормами, препятствующими распространению экстремистской, враждебной или унижительной лексики. Это не всегда жесткие запреты, но может негативно сказываться на судьбе человека или компании, решивших использовать

сомнительное слово.

Технологические инновации, такие как системы распознавания лиц, биометрические паспорта и цифровые профили, создают непривычную для прошлого ситуацию, когда имя человека лишь часть сложного идентификационного комплекса. Взаимодействие глобальных баз данных автоматически связывает биометрию с информацией об имени и гражданском статусе, что приводит к новой реальности: даже если мы захотим сменить имя, системы распознавания лица продолжают относить нас к прежним базам данных. Возникает вопрос, имеет ли личность право «на забвение», которое коснется не только цифровых следов в интернете, но и официальных записей, связанных со старыми идентификаторами [Большакова, Сальников, 2024]. Заявляя о своей индивидуальности, мы все более оказываемся в поле жесткой регламентации, где псевдоним, хоть и используется, но автоматически привязывается к биометрическим метаданным, исключаяющим полную анонимность. Это тот самый новый поворот эволюции, о котором полвека назад и не помышляли законодатели.

Научные исследования по проблеме эволюции права на имя и псевдоним нередко затрагивают вопросы философии идентичности, утверждая, что правовые рамки – лишь одна сторона явления. Исторические и культурные факторы, психологические мотивы человека, технологии и политическая среда смешиваются в сложную мозаику. Адаптация к глобализации предполагает постоянную переработку собственных традиций и согласование их с мировыми трендами, что ведет к движению права в сторону универсализации ключевых положений, но при этом никто не гарантирует, что эта универсализация будет абсолютной [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. По всей видимости, право на имя и псевдоним всегда будет представлять собой сферу компромисса между индивидуальными потребностями, коллективными интересами и техническими реалиями. В этом и состоит его уникальность.

Некоторые специалисты предполагают, что через несколько десятилетий в ряде стран электронная идентичность станет важнее, чем имя, полученное при рождении. Пользователь будет взаимодействовать с госуслугами через цифровые токены и биометрию, а имя станет вторичным, необходимым лишь для формального этикета. С одной стороны, это может упростить многие процедуры, с другой – ставит под сомнение традиционное понимание имени как центрального элемента идентичности [Милушева, 2021]. Ясно, что такие сценарии влияют на право, в котором уже сегодня активно обсуждается термин «электронное резидентство» или «цифровой паспорт», способный объединять множество функций. Вопрос о том, какое место в этой схеме займут псевдонимы, покажет дальнейшая практика, но уже сейчас наблюдается существенный сдвиг в сторону признания разных форм онлайн-присутствия.

В любом случае исторические уроки говорят о том, что право на имя и псевдоним не является статичным, оно подвержено изменению под влиянием культурных сдвигов, научно-технического прогресса, глобального обмена информацией и достигнутого уровня свободы в обществе. Чем более общество толерантно к различию, чем выше уровень защищенности прав человека, тем большая автономия предоставляется гражданам в вопросе распоряжения собственным именем или выбором псевдонима. Однако вместе с тем растет и ответственность, поскольку злоупотребления анонимностью могут приводить к негативным последствиям. Поэтому задача правотворчества – не просто установить жесткие рамки, но и предложить механизм, позволяющий каждому человеку использовать свое имя, изменять его, создавать и применять псевдонимы, оберегая при этом интересы других и сохраняя общественное благо [Ульбашев, 2020]. Баланс между этими началами никогда не будет окончательно найден, он формируется заново в каждом новом поколении законов и судебных решений.

Заключение

Тенденции развития международного пространства указывают на дальнейшее укрепление роли права на имя и псевдоним как элементов защиты личной свободы и культурного разнообразия. Глобальная правовая система, объединяющая законодательные механизмы различных государств, уже не может игнорировать реалии планетарного масштаба: миллионы людей вступают в трансграничные взаимосвязи, формируют наднациональную общественность, и вопрос идентификации личности выходит за рамки локальных традиций. При этом право должно обучаться тонкому различению фальсификаций и добросовестного использования вымышленных имен, соблюдая интересы безопасного пространства для всех участников коммуникации [Евсиков, 2022]. Учитывая неравномерность развития стран, юристы сталкиваются с ситуацией, когда в одной части мира для использования псевдонима достаточно внутреннего решения, а в другой – нужен нотариально заверенный документ. Устранение подобных противоречий – важная задача будущих правовых реформ.

Таким образом, эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства демонстрирует сложную картину, в которой пересекаются исторические, культурные, технологические и правовые аспекты. Прошедший путь от племенных прозвищ и родовых имен до высокотехнологичных электронных идентификаторов наглядно показывает, насколько подвижным является само понятие «имя» в человеческом обществе. Если когда-то имя служило лишь легким знаком различения и привязки к роду, то сегодня оно может выражать личную свободу, общественный статус, творческое самовыражение, коммерческое продвижение и даже быть корпоративным активом. Правовые системы повсеместно двигаются по пути признания этой многогранности, но каждая культура и каждое государство остаются в своем темпе, порождая споры и коллизии, которые только стимулируют дальнейшее развитие правовой мысли. В итоге мы наблюдаем постоянный поиск золотой середины между универсализацией, позволяющей согласовать различные национальные режимы, и сохранением культурного разнообразия, которое делает мир богаче, а право – человечнее.

Библиография

1. Безбородов Ю.С., Лихачев М.А., Халафян Р.М. Об универсальности прав человека в доктрине и практике международного права (обзор конференции памяти профессора Г. В. Игнатенко) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 5. С. 58-66.
2. Большакова В.М., Сальников В.П. Правовой тропой нового гуманизма: рефлексия над современной концепцией взаимодействия международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 164-171.
3. Гуляева Е.Е. Правовой режим охраны генетической/геномной информации коренных народов и местных общин в международном праве // Международный правовой курьер. 2022. № 1. С. 6-24.
4. Евсиков К.С. Перспективы развития международного информационного права // Информационное право. 2022. № 1. С. 39-42.
5. Затонский В.А. Правовая культура, правовое пространство и государственно-правовая жизнь общества в условиях глобализации // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 54-56.
6. Иванова К.А., Мылтыкбаев М.Ж. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 80-93.
7. Королев С.В., Лялина И.С. Интернет-право и кибербезопасность КНР // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 162-167.
8. Мартиросян А.Ж. Формирующиеся международное информационное право и система обеспечения международной информационной безопасности: теоретические векторы // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 179-187.
9. Милушева Т.В. Информационная и правовая культура: вопросы соотношения // Правовая культура. 2021. № 3

- (46). С. 104-105.
10. Петрова Е.А. Действие принципов международного права в российской правовой системе // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 255-258.
11. Рябошапченко А.О., Жебровская К.А. International legal regulation of information relations at the current stage of the development of the information sphere // Прикарпатський юридичний вісник. 2022. № 2 (43). С. 91-95.
12. Солдаткина О.Л. Культура законотворчества в информационном праве // Правовая культура. 2021. № 2 (45). С. 118-119.
13. Сулейманов Б.Б. К вопросу о соотношении правовой культуры и правового пространства // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 53-54.
14. Ульбашев А.К. The right to a name: back to the future // Digital Law Journal. 2020. Т. 1. № 3. С. 40-50.
15. Ясносокирский Ю. Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий // International Affairs. 2022. Т. 68. № 3. С. 64-68.

The Evolution of the Right to a Name and Pseudonym in the Context of Intercultural Communication and Globalization of Information Space

Ivan M. Kuptsov

Independent Expert,
Russian State Library,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vanyak1401@gmail.com

Abstract

This article examines the evolution of the right to a name and pseudonym in the context of intercultural communication and information space globalization. The study establishes the topic's relevance through the historical development of personal identification mechanisms, from tribal society nicknames to modern legal norms. Particular attention is paid to the transformation of name regulation approaches under the influence of cultural, religious and migration factors, as well as the role of pseudonyms in creative and public activities. The analysis incorporates historical sources, legal documents and judicial practice reflecting naming systems' evolution, including examples from medieval Europe, international law standardization processes, and digitalization's impact on modern administrative procedures. The findings reveal that globalization and digital technologies have fundamentally transformed approaches to naming rights, with pseudonyms evolving from purely creative tools into elements of commercial activity, online communication and personal data protection. The discussion addresses contradictions between anonymity rights and security requirements, along with challenges of name transliteration in international contexts. The study emphasizes contemporary law's struggle to balance norm standardization with cultural diversity preservation, concluding that legislative harmonization must account for both technological innovations (digital identifiers, virtual spaces) and ethnocultural traditions.

For citation

Kuptsov I.M. (2025) *Evolutsiya prava na imya i psevdonim v usloviyakh mezhkulturnoy kommunikatsii i globalizatsii informatsionnogo prostranstva* [The Evolution of the Right to a Name and Pseudonym in the Context of Intercultural Communication and Globalization of Information Space]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 308-321.

Keywords

Right to a name, pseudonym, intercultural communication, globalization, digital identity

References

1. Bezbordov Iu.S., Likhachev M.A., Khalafian R.M. (2021) Ob universal'nosti prav cheloveka v doktrine i praktike mezhdunarodnogo prava (obzor konferentsii pamiati professora G. V. Ignatenko) [On the universality of human rights in the doctrine and practice of international law (review of the conference in memory of Professor G.V. Ignatenko)]. Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnal [Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 5, pp. 58-66.
2. Bol'shakova V.M., Sal'nikov V.P. (2024) Pravovaia tropoi novogo gumanizma: refleksiia nad sovremennoi kontseptsiei vzaimodeistviia mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [The legal path of new humanism: reflection on the modern concept of interaction between international and domestic law]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 28 (2), pp. 164-171.
3. Guliaeva E.E. (2022) Pravovoi rezhim okhrany geneticheskoi/genomnoi informatsii korennykh narodov i mestnykh obshchin v mezhdunarodnom prave [Legal regime for the protection of genetic/genomic information of indigenous peoples and local communities in international law]. Mezhdunarodnyi pravovoikur'er [International Legal Courier], 1, pp. 6-24.
4. Evsikov K.S. (2022) Perspektivy razvitiia mezhdunarodnogo informatsionnogo prava [Prospects for the development of international information law]. Informatsionnoe pravo [Information Law], 1, pp. 39-42.
5. Zatonskii V.A. (2023) Pravovaia kul'tura, pravovoe prostranstvo i gosudarstvenno-pravovaia zhizn' obshchestva v usloviakh globalizatsii [Legal culture, legal space and state-legal life of society in the context of globalization]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (53), pp. 54-56.
6. Ivanova K.A., Mytykbaev M.Zh. (2020) Svoboda slova i pravo na dostup k informatsii v usloviakh formirovaniia sistemy mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti [Freedom of speech and the right to access information in the context of forming the system of international information security]. Pravoprimerenie [Law Enforcement], 4 (4), pp. 80-93.
7. Korolev S.V., Lialina I.S. (2023) Internet-pravo i kiberbezopasnost' KNR [Internet Law and Cybersecurity of the PRC]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGU) [Kutafin University Bulletin (MSAL)], 2 (102), pp. 162-167.
8. Martirosian A.Zh. (2022) Formiruiushchiesia mezhdunarodnoe informatsionnoe pravo i sistema obespecheniia mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti: teoreticheskie vektory [Emerging international information law and the system of international information security: theoretical vectors]. Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov [Bulletin of International Scholars], 2 (20), pp. 179-187.
9. Milusheva T.V. (2021) Informatsionnaia i pravovaia kul'tura: voprosy sootnosheniia [Information and legal culture: issues of correlation]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 3 (46), pp. 104-105.
10. Petrova E.A. (2020) Deistvie printsipov mezhdunarodnogo prava v rossiiskoi pravovoi sisteme [The operation of principles of international law in the Russian legal system]. Iuridicheskaiia tekhnika [Legal Technique], 14, pp. 255-258.
11. Riaboshapchenko A.O., Zhebrovskaia K.A. (2022) International legal regulation of information relations at the current stage of the development of the information sphere. Prykarpats'kyi iurydychnyi visnyk [Prykarpatsky Legal Bulletin], 2 (43), pp. 91-95. (Note: Original English title retained)
12. Soldatkina O.L. (2021) Kul'tura zakonotvorchestva v informatsionnom prave [Legislative culture in information law]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (45), pp. 118-119.
13. Suleimanov B.B. (2023) K voprosu o sootnoshenii pravovoi kul'tury i pravovogo prostranstva [On the issue of the relationship between legal culture and legal space]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (53), pp. 53-54.
14. Ul'bashev A.K. (2020) The right to a name: back to the future. Digital Law Journal, 1 (3), pp. 40-50. (Note: Original English title retained)
15. Iasnokirskii Iu. (2022) Mezhdunarodnoe informatsionnoe pravo kak regulator mezhdunarodnykh otnoshenii v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [International information law as a regulator of international relations in the field of information and communication technologies]. International Affairs, 68 (3), pp. 64-68.